

"СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ": ЕЩЕ РАЗ О "ДВОЕВЕРИИ"

1. Тема двоеверия связывается со "Словом о полку Игоре" с первых же десятилетий после его публикации. И однако, вновь обращаясь к этой теме, необходимо определить основные понятия. А именно: 1/ Что такое "двоеверие"? 2/ Двоеверие – у кого? У автора? У персонажей? У их исторических прототипов? Вообще в Киевской Руси XII века?

2. О двоеверии обычно говорится либо как о единой совокупности смешанных гетерогенных религиозных компонентов, либо как о двух параллельных рядах религиозного сознания, когда существенно, что оба ряда могут подменять друг друга по функции. Таким образом, если будет доказана системность дистрибуции христианских и нехристианских элементов в "Слове", во-первых, и разноплановость функций этих элементов, во-вторых, мы не сможем принять тезис о "двоеверии" в "Слове".

3. Наконец, существенен и следующий вопрос: двоеверие – у кого? Прежде всего, необходимо разграничивать поведение и религиозное самовыражение персонажей художественного текста и реальных исторических прототипов этих персонажей. Так, князь Игорь Ипатьевской летописи кается как христианин в своих грехах, будучи в плену; в тексте "Слова" он вьвржеся на брззз комонь и скочи съ него босымь влькомь и т.д. Мироззрение же реального Игоря нам неизвестно: мы имеем только два текста. Наконец, с величайшей осторожностью нужно относиться к операции выявления мироззрения автора по внешним, не интерпретированным в ценностном плане выражениям тех или иных религиозных систем в его текстах. Даже самый глубокий анализ этой ценностной ориентации может определить лишь то, с каких позиций написан данный текст (что нетождественно прямо позициям автора). Если же в тексте противопоставляются сощумы, различные по менталитету, то и систем ценностных ориентаций может быть более одной (нелишнее напомнить, что в "Слове" противостоят два ментальных мира: русских и половцев).

4. Мы не делаем попытки определить мироззрение автора "Слова". Задача – выявить дистрибуцию христианских и нехристианских элементов в тексте, во-первых, и определить ценностную ориентацию этого распределения, во-вторых.

В тексте "Слова" выделяются три ряда (последний в двух подгруппах):

1. Христианский: Бог, суд Божий, святая Богородица Пироговая, святая София, звон колоколов.
2. Языческие боги: Велес, Стрибог, Даждьбог, Хорс, Троян?/.
3. Анимизированные явления:
 - а/ существа - Див, Дева-Обида, Карна, Ж/е/ля;
 - б/ одушевленные стихии - Солнце, Ветер, Река и под.

Текст предоставлял возможность проследить активность всех этих компонентов в Пространстве и во Времени. Т.е. различается замкнутое пространство, Город, и Открытое пространство (степь, поле). С другой стороны, различается Настоящее (т.е. время издаваемого основного события) и Прошое (исторические переключки). Таким образом, дистрибуция трех религиозных рядов выявлялась через их хронологические характеристики.

При этом оказалось, что:

- 1/ Христианский компонент ориентирован целиком на Город (как в Настоящем, так и в Прошлом).
- 2/ Языческие боги относятся к Прошлому (как в зоне Города, так и в зоне Открытого пространства).
- 3/ Анимизированные явления природы и стихии относятся к Настоящему, во-первых, и к Открытому пространству, во-вторых.

Схематическое изображение:

	Город	Открытое пространство
Настоящее	Христианские	Одушевленные стихии и мифологические существа
Прошое	элементы Языческие боги	

Итак, "пестрота" религиозного пласта "Слова" оказывается достаточно четко структурированной.

5. Т.о. Город не знает ни Карны, ни Жли, ни Девы-Обиды и проч. В "Слове" существенно и направление в Пространстве: к Городу или от Города. Ярославна обращается с мольбой к стихиям, стоя на забороле - от Города. Бог показывает путь бежавшему Игорю - к Городу (изъ земли Половецкой на землю Рускую к отню злату

столу). Половецким же ханам (поганым) показывает путь дятлы и в Открытом пространстве (Дятлове тектомъ путь къ рече кажутъ). Оборотень Всеслав совершает свои inferнальные путешествия ночью вне Города, днем же он судит людей и князей и воспринимает далекий перезвон колоколов.

Тема христианского Города в "Слове" неотделима от темы Города в памятнике в целом. Она соотносится с основной оппозицией "Слова", понимаемой нами как противопоставление личности - стихийной массе, городской культуры - "неготовым дорогам" бескрайней степи, профессионализма - стихи, смелой попытки самоутверждения - множественности способов нивелировать отдельную личность.

Таким образом, позитивный момент в "Слове" отмечается направлением - к Городу. Ср. в счастливом исходе Девизи поуть на Дунаи, вьются голоси чрезь море до Києва. Напротив, в час беды готския красные девы всплеша на бреже синему морю - в Открытом пространстве. В этом общем аспекте Города позитивность христианских компонентов кажется несомненной.

6. Языческие боги все принадлежат Прошлому. Их трактуют как родоначальников, предков (Д.С.Лихачев). В развитии действия в "Слове" они не принимают участия, их функциональная нагрузка минимальна. Они связаны только с полем русских. Можно высказать гипотезу, что быть предками, быть обожествленными главами Рода и есть их функция в тексте. Т.е. русские противостоят в "Слове" половцам как "безродным", не имеющим за собой подлинной истории, кроме конкретных недавних фигур - Кобяка, Шаруканя. Итак, быть индивидуальностью, быть личностью значит и иметь родоначальников божественного происхождения (обычная ситуация для "культурного героя").

7. Самой активной группой в "Слове" является третья (одушевленные стихи и мифологические существа). Как видно из схемы, они существуют в Настоящем и в Открытом пространстве. Т.е. они обусловлены и Пространством, и Временем, иначе говоря - окказиональны.

1/ Анимизированные существа, обладающие активной персонифицированной силой, не представлены в этом качестве нигде, кроме текста "Слова". Это: Карна, Жля, Дева-Обида, Див. Уникальность их функции не снимается этимологической прозрачностью этих имен и этноязычными их переключками.

Карня и Жля - воплощение смерти, горя и погребения, Дева-Обида - персонификация ссоры, усобицы, раздора. Див - вызывает, предупреждает врага. Существенно, что все эти существа возникают в первой части текста "Слова" - до мольбы Ярославны, которая является кульминацией, переломным пунктом текста. После обращения Ярославны - и это важно! - эти существа и им подобные не появляются.

Их поэтическая функция - быть сублимированной угрозой, предельной мстостью природных сил, оскорбленных человеческим вызовом. Но слабость их - в окказиональности.

2/ Одушевленные стихи, выступающие в тексте "Слова" как в этом качестве, так и в своей первичной естественной функции. Рассмотрение этой группы требует обращения к одной из важнейших черт поэтики "Слова", которую мы предполагаем назвать "поэтикой тройственного образа", т.е. имеется в виду трехступенчатость: 1/ X, 2/ X и как бы Y, 3/ Y. Например, в рассказе о прошлом говорится о речи галок. Это просто галки (X). Перед битвой говорится о галках с аллюзией (это и галки, и половцы - X и Y). Боян в зачине имеет в виду половцев (Y), называя их галками (Y). Когда Гзак бежит серым волком - это сравнение (X), Всеслав Полоцкий бежит, обернувшись серым волком (это Y). Игорь скоочи серымъ (босым) волкомъ - это и X, и как бы Y, недаром существует большая полемика литература об оборотничестве Игоря.

Эта тройственность поэтического образа "Слова" часто создавала "миражные" истолкования у исследователей, стремящихся к единой интерпретации: например, таково стремление считать все зооморфные имена текста тотемными именованиями (Г.В.Сумаруков). Также, по сути, не имеет оснований спор о субъекте: белка/мысль при описании того, как пел Боян. Каждая из трактовок убедительно и в равной степени подтверждается контекстом.

В "Слове" и одушевляются, и предстают в своем естественном виде травы, деревья, реки и проч. Центром этого ряда являются три стихи, к которым обращается Ярославна: Солнце, Ветер и Река (Днепр). К ним она обращается по-разному: например, Ветер и Солнце она упрекает, а Реку - просит. И именно Река (Донец) помогает Игорю. (В кратких тезисах невозможно проследить и показать явно представленную в тексте персональную ориентированность отношений каждой из стихий с Игорем и его войском).

Поэтическая функция этих элементов двуликкой "неравнодушной"

Природы, которая может и анимизироваться, и не покидать своего природного естества, — демонстрация зыбкости и изменчивости Природы, вовлекающей Человека в странный мир между реальным и кажущимся, одушевленной активности на грани миража и сублимации.

В.Н.ТОПОРОВ

"ГОЛУБИНАЯ КНИГА" И ["К ПЛОТИ"]: СОСТАВ МИРА И ЕГО РАСПАД

Два эти текста, весьма различные по характеру, кажется, не сопоставлялись друг с другом, хотя их глубинная связь не вызывает сомнения и предполагает отнесение их к общему историко-культурному контексту (характерно присутствие обоих текстов, соотв. — Г.к. и П., в одних и тех же печатных сборниках и знакомство с ними в пределах одного и того же "читательского" круга).

Не касаясь здесь проблемы происхождения Г.к., можно сказать, что она представляет собой уникальный памятник русской народной словесности, органически совмещающий в себе фольклорное и книжное, свое и чужое. Г.к. представляет собой своего рода энциклопедический компендиум по мифопоэтической космологии от времени творения до того рубежа, с которого начинается падение Святой Руси. Этому заданию отвечает значительный объем текста (есть варианты по 300 стихов), очень четкая его организация, тематически-предметная широта, установка на целостную картину мира. Г.к. пользовалась в определенную эпоху очень большой популярностью (сама традиция причисляла ее к "духовным стихам", и Г.к. исполнялась слепыми нищими странниками); до нашего времени дошло значительное количество версий, вариантов, не говоря уж о следах знакомства с Г.к. в других текстах. Уникальности Г.к. соответствует исключительно высокий ее авторитет. Это — великая книга, "книга книг", книга по преимуществу и по заключенному в ней смыслу-мудрости (Умом сей книги не досметити/И очами нам книгу не обзрити, — /Великая книга голубиная!), и по ее физической величине (В долину книга сорока локот, /Поперек книга тридцати локот, /В толщину книга тридцати локот...), и по глубине ее и авторитету — Писал эту книгу свят Исая пророк, /Читал эту книгу Иван Богослов. /Он читал эту книгу ровно три года, /Прочитал во книге только три листа. Эта книга хранит некую тайну, доступ к